

ЮЛИЯ
РЕЗНИК

A young woman with long, wavy, vibrant red hair is the central focus. She is wearing a light grey sweater and looking slightly upwards and to the right with a thoughtful expression. The background is a brightly lit, slightly blurred hallway. In the background, a man in a dark suit is seen from behind, walking away, and a woman in a white t-shirt is walking towards the right. The overall atmosphere is soft and cinematic, with some light flare effects.

НЕ ТЫ

ОТЕЦ И СЫН.
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ.
ВЫБОР, КОТОРЫЙ ЕЙ ПРЕДСТОИТ СДЕЛАТЬ.

Юлия Резник

Не ты

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39268699
SelfPub; 2022

Аннотация

Первая любовь Маши оставила после себя раны и кровь на запястьях. Вторая любовь вернула девушку к жизни. Отец и сын. Прошное и настоящее. Выбор, который ей предстоит сделать. Кому она скажет «Не ты?»

Друзья, в теме будет присутствовать мат. В целях достоверности подачи материала – без этого не обойтись.

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	20
Глава 2	31
Глава 3	41
Глава 4	50
Глава 5	60
Глава 6	71
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Юлия Резник

Не ты

Пролог

– Мура... Мура, эй...

– Чего тебе?

– Реши мне восьмое задание! Будь человеком...

Маша закатила глаза и, бросив осторожный взгляд в сторону сидящей в соседнем ряду подруги, шепнула:

– Горе луковое... Какой у тебя вариант?

– Третий...

– Так... Ладно. Здесь не трудно... – пробормотала себе под нос, не совсем уверенная, что Лиза ее услышала. Конечно, вряд ли бы у нее возникли сомнения в том, что подруга выполнит ее просьбу, но Маша считала себя обязанной, так сказать, подтвердить сам факт взятия на себя обязательств. Ну... чтобы Лизетте спокойней сиделось. В общем, Мура была редкой дурой. Отказывать не умела категорически. Тем более – своей единственной подруге. Сколько раз она ей помогала в ущерб себе же? Не счесть! Например, только на прошлой контрольной ее лишили двух баллов из-за переданной Лизке шпоры, которую эта дубина не сподобилась даже убрать из тетрадки. Так тупо спалиться могла только она! А

главное, ее, Муру, подставить.

Закусив краешек ручки, Маша сосредоточилась на задаче и, вырвав из небольшого блокнота серый в клеточку лист, застрочила формулы.

– Ну, ты там скоро? Мне еще переписывать...

Нет, вы посмотрите на нее! Переписывать... Что бы она запела, если бы ей самой пришлось вычислить энергию фотона при неизвестной длине волны?! Впрочем, не стоит и пытаться. Где Лизавета Самойлова, а где квантовая физика?

– Лови...

– Мурушкина! Ты уже все написала? – зычным голосом солистки местного ансамбля песни и пляски поинтересовалась физичка.

Маша вся сжалась и молча потупила взгляд. Только не хватало, чтобы ее опять засекли! Дерьмо!

– Еще бы нет! У нее скоро мозги через уши ползут, – заржал местный дурачок Антонов. Ну, это Мура его дурачком считала. Сам-то он себя мнил не абы каким остроумным. Клоун! А публика схавала, ознаменовав процесс поедания не самой удачной шутки раскатистым смехом.

– Хоть у кого-то в вашем классе должны быть мозги... – философски заметила физичка, не догадываясь даже, что дала Антонову нехилый такой повод лишний раз наехать на Муру. Плюсуй к обнаруженной шпоре – и все. День накрылся.

Прерывая невеселые мысли Маши, прозвенел звонок. Одноклассники нестройным рядом потянулись к учительскому столу, а после – вон из класса.

– Фух! Вроде, пронесло, – шепнула Лиза, приземляясь рядом с подругой на осиротевший раздолбанный стул.

– Ага. Слава богу. Мне нужен высший бал, не то заporю четвертную.

– И твоя горгона тебя сожрет... – страшным шепотом озвучила Машкины перспективы Лизетта и, чего скрывать, была недалеко от истины. Мать у Маши действительно была очень строгой. Кто-то бы даже сказал – деспотичной, но она сама старалась об этом не думать. Потому что родителей не выбирают, и что толку тогда тереть эту тему?

– Да уж... Сожрет, и не подавится.

– Ну и хрен с ней. И с оценками тоже. Я тут, наконец, придумала, как тебя с Богатыревым свести.

– Ха-ха. Очень смешно, Лизетта, – скривила губы Маша и резкими, дергаными движениями принялась собирать вещи в рюкзак. У нее на этот счет был пунктик. Чинно выстроенные ряды ручек и карандашей в пенале, линейка, ластик, транспортир и циркуль. Тетради по всем предметам со старательно законспектированными темами. Учебники строго по расписанию. Ну, какой дурак в одиннадцатом классе таскал за собой столько барахла? Максимум – тетрадка да ручка. Одна. На все случаи жизни. Маша догадывалась, что этот ее заскок насчет порядка был обусловлен неспособно-

стью управлять собственной жизнью...

– Эй, ты че, думаешь, я прикалываюсь? Машка...

– Угу. Именно так. Потому что ты совсем планочная, если считаешь, что Сева хотя бы посмотрит в мою сторону.

– Да послушай ты! Танька Завьялова встречается с Сашей Рудым, а у них сейчас с Севой намечается баттл!

– И что?

– Завьялова завтра устраивает вечеринку по случаю дня рождения. Твой Богатырев будет там!

– Прекрасно. А мне что с того?

– Танюха позвала весь класс!

– Ты разве не знаешь, что ко мне подобные приглашения имеют весьма посредственное отношение?

– А кто это сказал? Придем, как ни в чем не бывало. Звала ведь всех? Звала! А тебе что главное? Правильно. Понравиться Богатыреву! А что там Завьялова подумает... Ну, не выгонит же она тебя?

– Понятия не имею. Но судьбу испытывать не хочу.

Маша не врала. Нет, она, конечно, больше всего на свете хотела стать девушкой Богатырева, однако... Лет в десять она так же мечтала выйти замуж за Тимати, но бракосочетание почему-то не состоялось. В общем, отрезвленная реальностью, Мура не слишком-то торопилась хмелеть мечтой. Мечты разбиваются, как правило, вдребезги, и эти осколки, шрапнелью по сердцу – совсем не то, что ей было нужно. Она и без всяких дополнительных потрясений чувствовала себя

разбитой.

– Да брось! Я тебе шмотки нормальные подгоню, покрашу... Станешь на человека похожа, может, и шанс появится, ммм? Что скажешь?

Она отказывалась до последнего. Тем более, что мать никуда бы ее не пустила. Но в последний момент их с отцом пригласили в гости, и...

– Слушай, это платье не слишком короткое?

– Да ты че?! Сисек у тебя нет, а вот ноги – отпадные. На них и упор... Да сядь ты, что ж ты крутишься?

– Ты мне кисточкой тычешь в глаз!

– Так замри, и не моргай! Ну... Что скажешь?

Маша встала с мягкого пуфика и мазнула взглядом по собственному отражению в зеркале. Что думает? Думает, что они явно переборщили. Ноги, которыми Лизка так восторгалась, в глазах самой Муры выглядели далеко не так идеально. Подобно двум макаронинам, они торчали из-под слишком короткого и не по размеру подобранного платья Лизетты. А черные колготки в сетку и вовсе портили всю картину, до смешного утончая ее и без того худые конечности.

– Говорю тебе, Машка, ты – бомба. Вот еще губы покрась...

Наверное, их появление на вечеринке Завьяловой было действительно неожиданным. Потому что на секунду все разговоры стихли. Как Маше удалось выдержать взгляды присутствующих и не убежать, она не понимала. Наверное,

помогла Лизетта, которая, как ни в чем не бывало, всучила хозяйке бутылку шампанского (каждому полагалось приходиться со своим пойлом), и потащила её в гуцу событий.

Сеvu они отыскиали практически сразу же. В небольшой трешке вообще было довольно трудно потеряться... А уж если ты, к тому же, нарцисс, привыкший быть в центре внимания, так и вовсе говорить не о чем! Маша застыла взглядом на объекте своего обожания и на ощупь опустилась в кресло.

– Да, не пялся ты так на него! – шикнула Лизка, больно дернув Муру за руку.

Маша послушно кивнула, но Всеволод мощным магнитом притягивал ее взгляд. Она была влюблена в него уже лет семь, наверное. Безответно влюблена, безнадежно. Парень был звездой их школы. Красивый и популярный, да к тому же еще и при деньгах. Сева мог получить любую, даже самую красивую девушку. У Муры изначально не было шансов. Она смотрела на вещи трезво и не питала особых иллюзий, что, впрочем, никак не охлаждало её болезненно-острых чувств.

– На, вот... Глотни. Может, расслабишься? – Лизетта протянула Муре стакан с каким-то коктейлем и тоже покосилась на компанию, собравшуюся вокруг Богатырева.

– Что-то не верится, что с таким ритмом можно читать, не сбиваясь, а склеек я не услышал...

Маша наострила уши. Музыка – вот единственная тема, о которой Богатырев мог говорить день и ночь. Возможно, если бы ей удалось продемонстрировать ему свои познания в

области хип-хопа, он бы и обратил на нее внимание? Неплохой план. А для смелости, и правда, не помешает выпить...

– Да по хрен ритм, каким бы он не был зачетным! – возмутился один из приятелей Сева, – он одни и те же парты читает каждый баттл. Х*йня невыносимая!

– Да, норм настелили, – парировал Сева, – че ты докопался? Третий трек вообще пизд**ейший.

В обнимку с Завьяловой к Богатыреву подкатил Рудый. Если они и впрямь собираются баттлиться, то замес будет – чума. Жаль, она не услышит его живьем.

– Че трете? – поинтересовался Саня, приложившись к бутылке с пивом.

– Да так... Обсуждаем новых звезд на небосклоне хип-хопа...

– Этих петухов? Да их лошат всем миром... – скривился Рудый.

– Лошение петухов, как ты изволил выразиться, сделало им такой пиар, который этим ребятам в жизни никогда не светил. Что называется, хорошими делами прославиться нельзя, а напишешь какой-нибудь высер, станут все над ним глумиться и лошить, дык, отрицательный пиар – он, сцуко, тоже пиар. Будет имя этого обосранца на весь инет греметь.

– Точняк... – согласились в толпе.

– Ну, ты, Сева, знаешь, я по американскому рэпу прусь. А эта тема меня вообще не заряжает.

– Американский рэп давно уже превратился в петушат-

ник. Кто скажет, что Lil Wayne или какой-нибудь Flo Rida не петух?

– А Wiz Khalifa? Я вообще думала, это баба, – пробормотала Маша, и только по наступившей в комнате тишине поняла, что озвучила свои мысли вслух. Сердце ухнуло куда-то вниз, дыхание перехватило. Сжавшись в комок, Мура бросила отчаянный взгляд на подругу, проклиная себя за болтливость. А потом случилось неожиданное. Сева рассмеялся, а вместе с ним и все присутствующие.

– Точняк, – сказал он и поманил ее к себе пальцем.

Маша не помнила, как к нему подошла. Только Лизкин тычок в спину в памяти отпечатался. А дальше – провал... Сева что-то ей рассказывал, спрашивал, смеялся. Ему было весело с ней.

– Вот, закинься, классная штука...

Маша послушно взяла бокал из его рук и отпила. Она не придавала значения слову «закинься», она пребывала в какой-то прострации, эйфории... Тот, о ком она так долго мечтала, сидел на расстоянии вытянутой руки. Мир искрился и переливался на солнце. Она была счастлива!

– Слушай, а как ты смотришь на то, чтобы отсюда свалить?

– Совсем? А... куда?

– Да, куда-нибудь. Здесь слишком многолюдно, не находишь?

Маша кивнула заворуженно, наблюдая за его нервными,

покрытыми татуировками, пальцами. С тех пор, как она видела Севу в последний раз, тот забился еще сильнее. Вот и на шее появился какой-то новый узор... Дракон, или демон? Мура не разобрала. Хотя картинка мира в ее глазах стала необычно наполненной и яркой.

– Эй, Маш... Ты куда собралась? – спохватилась Лизетта.

– Ммм? Сева сказал, что подвезет меня до дома.

Девушка подозрительно покосилась на подругу и, обхватив ее щеки ладонями, поинтересовалась:

– Ты как вообще, норм? Не перебрала?

– Да что мне будет?

– Ну, смотри. Если что, сразу спать ложись, чтобы мать не засекала. Не то она тебе покажет...

Сева не дал им договорить. Схватил Муру за руку и потащил прочь из квартиры.

– Ух, ты... Классная у тебя тачка, – восхитилась девушка, озираясь по сторонам.

– Спасибо. На поступление в универ родители подарили. А ты? Где учишься?

Маша и не надеялась, что Сева ее запомнил, поэтому слова парня ее не слишком задели. А что действительно имело значение, так это то, что он, наконец, ею заинтересовался!

– Оканчиваю школу. Буду в политехнический поступать... А куда мы едем?

– Да, есть здесь неподалеку чудовое местечко. Оттуда звезды видны. Красиво...

Маша тупо кивнула головой и откинулась на подголовник. Ее и саму уносило куда-то к звездам. Один трек сменял другой, а тонкие пальцы Севы, гладили ее по ногам. И было легко-легко, будто из ее головы выкачали все мысли и страхи...

– Эй, детка, иди сюда...

– Зачем? – спросила тупо, оглядываясь по сторонам.

– Я сделаю тебе хорошо. А ты сделаешь хорошо мне. Ты ведь этого хочешь, правда?

Конечно, она хотела сделать ему приятно. Просто тогда Мура не понимала, что под этим подразумевается.

Тем временем забитые пальцы Севы скользнули вверх по ее ногам, задрали подол платья повыше...

– Эй... Ты что делаешь?

– Я делаю тебе хорошо... – шепнул Богатырев, касаясь руками девичей груди. Маша зажмурилась и рассмеялась. Все происходящее было таким нереальным! В голове кружилось, тело стало как будто невесомым и зажило своей жизнью. Пальцы на груди сжались сильнее. За ненужность Маша не носила лифчик, и сейчас касания парня ощущались необычайно остро. Дыхание перехватило.

– Нравится?

Она ничего не ответила. Лишь сильнее рассмеялась, все хуже воспринимая реальность. Руки Севы опустились по ее животу, ухватили резинку колгот и дернули вниз.

– Эй, ты что задумал?

– Я тебе сейчас покажу...

Щелкнула пряжка ремня, вжикнула молния. Сева обхватил ладонь Маши рукой и сунул себе в штаны.

– Погладь его... Вот так, сильнее... – он обхватил член поверх ее руки и пару раз дернул. – Пожестче, детка! Ну же, давай... Что ты как неживая? Ты же хочешь его? Хочешь?!

Видимо, для того, чтобы удостовериться в силе ее желания, Севины пальцы скользнули Маше между ног. Раздвинули девственные складочки, надавили на клитор и по сухому скользнули внутрь.

– Нет-нет, подожди! – запротестовала девушка, – что ты делаешь? – и снова этот дурацкий смех!

– Пытаюсь тебя трахнуть...

– Трахнуть? – несмотря на все попытки сконцентрироваться, сознание к Маше возвращаться не спешило. – Я ни с кем еще... Подожди...

– Целка, что ли? Ну, так, поздно уже... Смотри, как я тебя хочу. А ты... Ты меня хочешь?

Мура облизала губы. Разве могло быть иначе? Она ведь так сильно его любила...

– Конечно, – шепнула девушка.

– Знаешь, что... А давай-ка ртом. Не охота мне с тобой возиться...

Маша с трудом понимала намеки парня, а вот как на них реагировать – не понимала вообще. Тогда он рукой надавил ей на голову, опуская к собственному вздыбленному члену.

– Ну же, малышка... Возьми его...

Она не помнила, что было дальше. По саднящим губам лишь могла догадаться, что все же сделала... сделала... Черт... Сделала Севе минет! Слава богу, мать с отцом загостились... Не то бы досталось Муре по самое не хочу. И за поздний приход, и за внешний вид, и за явно нетрезвое состояние! Пронесло, так пронесло. А главное, что на нее нашло? Почему она вела себя, как распоследняя шлюха? Неужели алкоголь так подействовал? Ведь не так уж много она и выпила... Не зная, куда деть глаза со стыда, Маша встала с кровати, но и шага ступить не смогла. В голове стучали молоты, к горлу подступила тошнота. Со стоном уткнулась лицом в ладони и снова опустилась на постель. Все, что случилось накануне – было ужасно. Но... Сева был с ней! Они были вместе! Господи... А что, если он предложит встретиться? Она же умрет от счастья!

Выходные для Маши прошли в каком-то угаре. Оказалось, что она потеряла телефон, и Сева не мог с ней связаться. Да что там! Она даже Лизке не могла позвонить, чтобы обо всем рассказать и посоветоваться. Еще и мать наорала... Дабы убить поскорее время, Мура взялась за подготовку к итоговому тестированию, но, так ничего и не сделав, захлопнула задания. Эмоции разрывали на куски, она не могла усидеть на месте. В понедельник в школу летела на крыльях. Ворвалась в полупустой класс, бросила рюкзак на парту.

– Хо-хо, вы поглядите, кто заявился! Муза, собственной персоной... – заржал кто-то в толпе. Мура покосилась в

сторону скучковавшихся ребят и молча подтянула шлейку на сумке. Она привыкла игнорировать поддевки. Огородила свою душу забором, обнесла колючей проволокой. Чик-чик, я в домике. И пофиг все.

– Че молчишь, Мура́?

И к этому она тоже привыкла. Стоило ей впасть в немилость у этих шакалов, как ее вполне пристойная кличка Му́ра (производная от Мурушкиной) превращалась в обидную Муру́. Ну, как – обидную? Это они так считали, ей же все было по боку. Ну, или она хотела, чтобы так было. Скорее второе, конечно.

– Эй, соска, ты че молчишь?! Или правда себя звездой возомнила? Не, ну, конечно, не каждое видео набирает столько лайков... Тут я согласен! Ну, так, и мы не чужие...

Маша застыла. Из слов Антонова в мозгу отпечталось только шипящее «ссссссска». Так бы, наверное, говорили змеи, если бы им был дан голос. Ссссссссска... Маша сглотнула и втянула голову в плечи. Дверь в класс резко распахнулась, с грохотом ударяя о стену. Чуть толкнешь посильнее – всегда так. Но ограничитель никто так и не догадался установить.

– Машка... Ну, слава богу! Ты куда пропала? Звоню тебе, и звоню...

– Что случилось, Лизетта? – отрешенным голосом поинтересовалась Мура у подоспевшей подруги.

– Маш...

– Да говори уже, чего тянуть?

– А ты сама... еще ничего не знаешь?

Маша закусила губу и покачала рыжей головой. Придурки из класса продолжали свой стеб, и с каждым их брошенным словом нервы девушки натягивались все сильнее.

– Так, пошли на хрен отсюда... – Лизка схватила Муру за руку и под всеобщий смех потащила прочь из класса. А потом они шли по раскаленной на майском солнце улице и молчали. Это была спасительная тишина. Вряд ли Маша была готова к правде...

– О каком видео трепался Антонов?

– Мур, ты только не парься сильно, ладно? Никто ж не знает, о ком там шла речь?

– Где – там?

– Да, на этом чертовом баттле. Я тебе говорила... Короч, там Рудый заводил... Ну, и... Ты только не обижайся, ладно? И близко к сердцу не принимай...

– Ага... ты к теме уже переходи, Лизетта. Мне к чему эти реверансы?

– Так вот. Рудый вкатил, что у Севы телка страшная, как смерть, намекая на ваш с ним совместный уход... Мол, Севе только такие, страшные, и дают... Дерьморэпчик был, техничная тараторка...

– А Богатырев, что? – сглотнула Маша.

– А Богатырев – козел, Мура. Апнул темку... И себе давай. Нет, фристайл был хороший, сильный, но тема скольз-

кая, понимаешь? И этот утырок накидал, что если бы Рудый знал, какая ты классная минетчица, то забрал бы свои слова обратно.

– Я – минетчица?

– Ну, ты же понимаешь, что имен никто не называл... Но все присутствующие у Завьяловой и так догадались, о ком идет речь...

– У Завьяловой в гостях был весь класс...

– Ну и фиг! Выпускной через месяц. Тебе интересно, что эти придурки подумают?

Мура не нашлась, что ответить. Только головой покачала и отступила на шаг.

– Эй, ты куда?

– Я домой пойду, Лизка... Что-то жарко, сил нет.

– Ты, главное, не парься. Через неделю все и не вспомнят, что было! – крикнула Муре вдогонку Лизетта. Та качнула головой и, ничего перед собой не видя, побрела вверх по улице.

Маше часто казалось, что она родилась по ошибке. По какому-то недосмотру судьбы. В то время, как ее сердце разрывалось от любви на части, её саму никто никогда не любил... Волоча за собой ноги, девушка поднялась по ступеням, трясущимися руками открыла входную дверь. Бессильно опустила с плеча рюкзак и, привалившись к стене, отдышалась. Чувствуя себя невыносимо грязной, прошла в ванную. Закрыла пробкой слив и включила воду. Поймала в зер-

кале собственное отражение. Взгляд пустой и пугающе-равнодушный, пересохшие, покрытые корками губы... Мура коснулась их пальцами, но тут же брезгливо отдернула руку. Грязная, жалкая, никому не нужная... Можно было сколько угодно отрицать очевидное, прятать взгляд под отросшей рыжей челкой, коротая жизнь в мыльном пузыре собственной отстраненности... А можно было все прекратить. Перекрыть ток боли по венам. Не сводя глаз с собственного отражения, Маша открыла навесной шкафчик, нашарила рукой упаковку лезвий, которые отец, по старинке, использовал для бритья, извлекла одно и, надавив, что есть силы, провела им по запястью. Равнодушно покосилась на алые капли крови, медленно стекающие на пол. Повторила движение. И еще, и еще... Наступив на лужицу собственной крови, забралась в ванну. Слез не было.

Глава 1

Спустя два года

– Мура, Мууууур.

– Господибожемой! Ну, чего тебе, Лизетта?!

– Слушай, давай сопромат закосим... Ну, ведь сил никаких нет!

– Сил у нее нет! А мне еще на работу чухать!

– Тогда, может, ты и работу... того?

Маша покосилась на подругу и, заправив выбившуюся из хвоста прядь за ухо, с намеком покрутила пальцем у виска:

– Прости, Лизетта. Мне кушать иногда надо. А значит, и на работу ходить.

Самойлова тяжело вздохнула и тоскливо уставилась в окно. Интересно, зачем их делают такими огромными? В качестве дополнительной пытки для бедных, измордованных бесконечной зубрежкой студентов? Смотрите, мол, убогие, как там, на улице, хорошо! Вам же век света белого не видеть... Ну, в ближайший месяц – так точно. Вот не иначе как летнюю сессию изобрела инквизиция!

– Ну, хоть один разоочек, – без всякой особенной надежды на положительный результат вновь закинула удочку Лиза.

Машка только лишь закатила глаза, и в который раз за день попыталась сосредоточиться на словах лектора.

Нет, Самойлова понимала подругу – что обижаться? Это

у нее родачки мировые. Уж ей так точно еще года три можно смело сидеть на их шее, а вот Мура... М-да. Вот кому действительно не повезло. Или, напротив... Может, и лучше, что все так случилось? С тех пор, как Машка съехала от родителей к деду, она как будто ожила! И пофиг, что от бесконечной учебы и работы осунулась вся и почернела. Но ведь глаза светятся, и улыбка все чаще расцветает на губах без их нескончаемых наставлений и упреков.

– А я бы на работу, как на праздник бежала, если бы у меня был таа-а-акой начальник! – зашла с другого боку Лизетта.

– Начинается...

– Нет, ну, а что? Почему ты не хочешь хотя бы попробовать?! Он же тебе нравится!

– Нравится... – обреченно согласилась Мура.

– Вот... А ты что?

– А я что?

– Дык, в том-то и дело, что ничего! Юбку бы надела, или кофточку с вырезом... Подчеркнула бы хоть как-то свои прелести!

– Ну, какие прелести, Лиз? – сдвинула темно-рыжие брови Мурушкина.

– А такие! Красивая ты, Мура, но забиииитая. Твою маманю за это четвертовать надо!

– Ага...

Что «ага», Лизка так и не поняла! Но переспрашивать

или, боже упаси, настаивать на своем не стала. Потому что Мура тем самым, пугающим до трясучки, жестом потеряла шрамы на своем запястье. Она делала это произвольно, обычно, когда волновалась.

– Мур...

– Ну?

– Он крутой, да?

– Кто?

– Ну, твой босс.

– Нормальный, – пожала плечами Маша, – правильный мужик.

– Только староват немного, но тебе как раз такой и нужен.

– Это почему же?

– Потому что у тебя не было нормальных отношений с родителями. С отцом. Тебе просто необходимо удовлетворить потребность кому-то принадлежать. А Дмитрий Николаевич тебе и за папу, и за маму будет.

– Терпеть не могу, когда ты начинаешь говорить цитатами из Космополитен.

– Ну-ну, еще скажи, что я не права!

– Мурушкина! Самойлова! Я смотрю, у вас развилась не абы какая дискуссия? Так, может быть, вы и с нами поделитесь своими размышлениями? – прервал их монолог скрипучий голос профессора.

– Извините, – потупилась Мура в тетрадку. Вечно так. У Лизетты рот не закрывается, а она из-за нее страдает! И

главное, тему какую выбрала... Животрепещущую. Дмитрий Николаевич ей, и правда, нравился. Может быть, даже больше, чем нравился. Только, что толку? Генеральный, если и смотрел на нее, то исключительно удивленно. Будто бы и сам не мог понять, что на него нашло, когда он взял Марию Мурушкину на работу. Ее должность в офисе называлась «принеси – подай – иди на х*й – не мешай». Точнее, Маша делала все и сразу, когда основные сотрудники расходились по домам. Ее рабочий день начинался около пяти вечера и продолжался до девяти. Как правило, в это время они оставались один на один с Дмитрием Николаевичем, который, казалось, и ночевал в офисе. Это было совсем не удивительно, учитывая бешеные темпы роста их предприятия. По фирме ходили упорные слухи о том, что Самохин хочет расшириться, заняв пустующую нишу на рынке экспресс-доставки. Само это устремление и предыдущие успехи, которые ему способствовали, заслуживали большого уважения, ведь Дмитрий Николаевич не имел никакого подспорья в бизнесе и начинал его, что называется, с нуля. Сначала сам водителем батрачил, потом организовал службу такси, занялся региональными грузоперевозками... И вот теперь – экспресс-доставка по всей стране, а это уже, как ни крути, совсем другие горизонты. Маше было интересно принимать участие в работе перспективной динамично развивающейся компании. Здесь она могла рассчитывать на карьерный рост и, что немаловажно, на стабильную зарплату. А еще... Она имела возможность

практически каждый день лицеизреть его!

Совсем не красавец. Скорее, обычный. Он ей вообще не понравился поначалу. Да она и начальника в нем не признала. Думала по старинке, что те в костюмах шикарных ходят и выглядят как-то... представительней, что ли? В то время как Дмитрий Николаевич над внешним видом особо не парился. Джинсы, поло, кеды – вот это в его стиле! И, каково же было удивление Маши, когда она узнала, что именно он здесь всем заправляет?

Уже после стала приглядываться. Ей вообще было интересно изучать людей. Тихо, не привлекая к себе внимания... Большинство из них Маше не очень-то нравились. Мура все чаще ловила себя на мысли, что вообще не понимает, как они живут. Что с ними делали, что они стали такими? А вот Дмитрий отличался на фоне других. Был... настоящим каким-то, без пафоса. Мог объяснить, если что-то непонятно, и похвалить... мог. Только Маше это не светило. Рядом с ним девушка превращалась в какое-то бесполезное существо. Казалось, что все несчастья сразу обрушивались на голову Муры, когда она попадала в поле зрения Самохина. То кофемашина ломается, то принтер заклинит, то туфля посреди кабинета слетит. Но самый ужас произошёл на Крещение. Об этом случае Маша старалась не вспоминать, однако непослушные картинки того вечера все чаще всплывали перед глазами.

Это был небольшой девичник, который организовала Лю-

ся – жена Машиного единоутробного брата. Мать нагуляла его, будучи совсем молоденькой, и отказалась сразу же после родов. Ивану не дал пропасть дед, который самолично забрал ребенка из роддома и вырастил. До недавнего времени Маше было запрещено общаться с братом, которого мать ненавидела. Из-за темного цвета кожи она называла Ивана черным отродьем и быстро крестилась, когда о нем заходила речь. А Маша, видя такое дело, старалась просто не думать о том, сколько же дерьма бродит у маменьки в голове. Девушка бы и сама многое отдала за то, чтобы и в ее детстве не было этой женщины. Истинной, мать ее, арийки, методам воспитания которой даже сам Гитлер бы позавидовал. В общем, первым делом после того, как Муре удалось отделаться от опеки родителей, она пошла к Ивану. И им с братом, к ее неопишуемому восторгу, таки удалось наладить нормальные отношения. Именно Иван с Люсей стали для Маши семьей. Они и, конечно, дед, который приютил внучку, когда та ушла из дома.

Возвращаясь к девичнику, стоит отметить, что гениальная идея погадать в Крещенский вечерок пришла в голову вовсе не Маше. Если уж на то пошло, то из всех присутствующих под подозрение больше всего попадала Лизетта. Потому как, хоть убей, ну, не могла Мура представить виновницей своего позора беременную жену брата или ее начальницу Стеллу Владимировну. С чего бы вдруг этим двум, во всех смыслах самодостаточным женщинам, приспичило бы гадать? Толь-

ко Лизка! Все беды из-за этой паразитки! Впрочем, какая разница, кто стал инициатором случившегося впоследствии? Факт в том, что, приняв на грудь, и следуя найденным в интернете инструкциям по крещенским гаданиям, Маша, выкинула свой сапог за окно. Вообще полагалось за забор. Но, что прикажете делать современным обитательницам многоэтажек? Презреть вековые традиции? Ну уж нет! Не на тех напали! В общем, сапог-то она выкинула, а вот о последствиях как-то не подумала. А между тем, эти самые последствия необратимо приближались. Сначала взвыла сигнализация, за ней последовал отборный мужицкий мат. Присутствующие на девичнике синхронно переглянулись и, задышавшись от смеха, бросились прочь из квартиры.

Смех Маши стих, стоило ей только выйти из дома. Потому что прямо перед ней, возле своего новенького Мерседеса, стоял Самохин собственной персоной и матерился, на чем свет стоит. А рядом, в совсем не по-крещенски размокшем снеге, валялся Мурин сапог. Дмитрий Николаевич развернулся и...

– Маша? А вы что здесь делаете? – по-настоящему удивился он.

– Я? У меня брат здесь живет... С женой, – зачем-то добавила Мура, взмахнув рукой в сторону Люси.

Самохин кивнул. Почесал щеку, поросшую длинной щетиной, и смерил подчиненную пристальным взглядом. От рыжей макушки до самых ног. Ну, и выдала ее обувь с голо-

вой! На одной-то ноге у Муры был надет вполне приличный, хотя и не застегнутый на молнию сапог, а на второй красовался Люсин тапок с помпоном. Видимо, сопоставив факты, Дмитрий Николаевич покосился на сугроб и снова уставился на Муру:

– И что это было?

– Недоразумение, – пискнула Маша. А потом, справедливо рассудив, что уже и так все понятно, вышла на дорогу, чтобы подобрать злосчастную обувь. За спиной раздался громкий смех подруг. А вот ей было совсем не смешно!

Что о ней подумал Самохин, Маша могла только догадываться. Сам он ей ничего не сказал. И на следующий день в офисе вел себя, как ни в чем не бывало. А она не знала, куда глаза прятать. Нравился он ей... И короткая бородка, и тихий голос, от которого у нее табуном мурашки бежали, и аромат дорогого парфюма. А еще руки... безумно красивые руки – ее личный фетиш.

Мура сама себе удивлялась, понимая, что увлеклась мужчиной. Тем более таким – взрослым, богатым, недостижимым... Думала, что поумнела. Уж очень злую шутку с ней сыграла любовь к неподходящему парню в прошлом. А вышло, что тот урок ничему ее так и не научил, и ничто женское Муре было не чуждо. Никакие рациональные доводы и, казалось бы, разумные обоснования не могли ей помочь не думать о Самохине каждую свободную секунду, не желать его прикосновений, или... чего-то большего. Это было ка-

кое-то сумасшествие. Те тысячи мурашек, которые выскакивали из своих укрытий, стоило Дмитрию Николаевичу заговорить. Тот сумасшедший стук сердца в ответ на его взгляд или случайное прикосновение. Маша никогда так остро не реагировала на мужчину. Она вообще считала себя довольно холодной. Ее мало интересовала физическая сторона любви, и, наверное, поэтому она все еще ее не познала, а тут... До дрожи. До намокших трусиков и острой нужды. До сладкого томления, от которого невозможно было уснуть. И которое, подчиняя своим желаниям, заставляло Машу смачивать пальцы в собственных соках и под покровом ночи быстро доводить себя до экстаза.

Не выдержав бубнёж Самойловой, Мура все же забила на последнюю пару. Вышла вслед за подругой из душевой, пропахшей мелом и пылью аудитории. Зажмурилась, впитывая в себя солнце, как изголодавшийся Дракула – кровь. И так сладко стало... Они побродили в парке с Лизеттой, выпили кофе в небольшом уличном кафе. И, как оказалось, этих маленьких радостей было вполне достаточно, чтобы хоть ненадолго сбросить с себя неподъемный груз гребаных дедлайнов. Действительно, порой для счастья нужно не так уж и много.

В офис пришла почти счастливым человеком. Бросила сумку под стол, щелкнула пультом кондиционера, понижая температуру. Документов было, как всегда, много, а значит, ей следовало поскорее приступить к работе, но... От

жары мозг как будто расплавился. Маша расстегнула верхние пуговички на блузке и, зажмурившись, подняла лицо навстречу прохладным потокам воздуха.

– Маша... к-хе-хе...

– Да, Дмитрий Николаевич! – вскочила Мура, немного испуганно глядя на шефа.

– Здесь кредитная заявка... кхе-кхе... которая наутро должна быть готова. – Мура понятиливо кивнула. Самохин зашелся громким лающим кашлем. – И выключи этот чертов кондиционер, холодрыга какая...

– Холодрыга? Но, когда я пришла... систему кто-то отключил. И здесь нечем было дышать... – робко возразила девушка.

– Систему отключил я, кхе-кхе... потому что стало холодно! – стоял на своем Самохин.

– Ладно... – Маша послушно выключила кондиционер и вернулась к просмотру документов. Дмитрий Николаевич снова закашлялся.

– Вы в порядке? – не выдержала девушка. Нет, она, конечно, понимала, что ее вопрос мог показаться Самохину глупым и неуместным, но воздержаться от него не смогла.

– В норме.

– Я бы так не сказала, Дмитрий Николаевич. Кашель у вас какой-то нехороший. И вообще... Похоже, у вас жар! Домой бы вам... Отлежаться.

Генеральный посмотрел на нее странным расфокусиро-

ванным взглядом и несколько неуверенно покачал головой.

– Работы много... – прохрипел он и, нахмутив брови, еще раз напомнил. – Первым делом подготовь пакет документов для банка.

Он продолжал упрямиться еще около часа. Ходил по своему кабинету, куда-то звонил, отдавал распоряжения, все так же отчаянно кашляя, но потом здравый смысл в нем возобладал.

– Я поработаю дома. Будь на связи, если мне что-то понадобится.

Маша послушно кивнула. Проводила шефа тоскливым взглядом и вернулась к своим таблицам. Даже больной, он заставлял ее сердце биться сильнее.

Глава 2

Дмитрий Самохин болел довольно редко. А к врачам и вовсе не обращался со времен армейки. Как выписали после прооперированного в санчасти аппендицита – так и все. Пару раз проходил медосмотры, посещал стоматолога, но это все в плановом порядке. А чтобы вот так, по болезни... Да, ну! Некогда ему было болеть. Работы по горло! И вот теперь, в самый, казалось бы, неподходящий момент скосило. На улице адское пекло, а у него – температура под сорок, и горло обложило так, что сглотнуть нет сил. Дурдом!

С трудом доехал до дома, стащил обувь и, швырнув прихваченные из офиса документы на стол, прошел в кухню. Конечно же, таблеток в его доме отродясь не водилось. Наверное, нужно было что-то купить по дороге, но не додумался. Сделав чай, в надежде, что тот поможет саднящему горлу, Дмитрий мужественно открыл лэптоп. О том, что забыл на столе в офисе смету на строительство нового терминала, вспомнил уже по факту. И что прикажете делать? А потом вдруг осенило. Номера Маши он знать не знал, а вот в офис можно было попробовать дозвониться.

– Приемная...

– Маша... Это Самохин. Я там смету на столе оставил... Кхе-кхе... Думал, в почте найду, так нету. Ты мне не можешь закинуть? Домой. Я расходы на такси компенсирую.

От стольких слов, произнесенных кряду, горло болело так, будто в него раскаленный штырь сунули. Предметы перед глазами расплывались, и в какой-то момент Самохин подумал, что оставаться дома одному небезопасно. Между тем, на том конце провода пауза совершенно неприлично затягивалась.

– Домой? Прямо сейчас?

– Нет, послезавтра! – вспыхнул Дмитрий Николаевич, – конечно, сейчас! Так, что?

– Ну... ладно. Хорошо. Я подъеду. Скажите только номер квартиры.

– Семьдесят восьмая, третий этаж.

Странная эта Мурушкина. Космическая какая-то. Он на нее сразу внимание обратил, хотя, признаться, смотреть там особо было и не на что. Вечно в тряпки какие-то стрёмные вырядится, то джинсы, которые мешком висят, то свитеры размера оверсайз. Нет, Самохин не заглядывался на подчиненных и херассментом не промышлял, напротив, считал, что шашни на работе ни к чему хорошему не приводят, но это другое. А вот слепым он не был. Тут, хочешь не хочешь, внимание обратишь, кто и как на работу приходит. Салаватина из бухгалтерии – что тебе на дискотеку. Сельскую и не слишком гламурную. О таком понятии, как дресс-код, она, казалось, вообще не слышала, как и Галочка – оператор колл-центра. И Сивушкина, и Манучарова. Гнать бы их поганой метлой за нарушение корпоративной этики. Да только

эти девы с ним, считай, у истоков стояли. А потому Дмитрий на многое закрывал глаза. Мог отпустить пораньше, или ссуду беспроцентную дать, если возникала такая необходимость. Добро он никогда не забывал. Это делало его человеком и не позволяло скурвиться в жестоких реалиях отечественного бизнеса.

Иной раз Самохина настигала тоска по тому времени, когда можно было выйти в соседнюю комнату и с успехом решать все вопросы. Когда для принятия решений ему не нужно было бегать по разным отделам и назначать производственные совещания. Когда в любой момент можно было выйти из осточертевшего офиса – и пойти к шоферюгам язык почесать. Так он держал руку на пульсе. Так ничего не проходило мимо него. А тут приходилось учиться делегировать полномочия, наступив на глотку нужде, все держать под личным контролем. Теперь все не так. Приходится расширяться, набирать новых, незнакомых людей, которых он, вполне возможно, никогда не увидит...

Видимо, совсем мужика скрутило, потому как отключился – даже того не заметив. В себя пришел – как из морских глубин вынырнул – мокрый весь, с колотящимся сердцем, под оглушительный звон дверного звонка. Что за черт?

Мура уже забеспокоилась, когда Самохин, наконец, ей открыл. О-о-о! Да тут совсем дело плохо. Стоит, одной рукой за косяк держится, а самого шатает, как пьяного, и лицо все в испарине, и совсем не по-деловому голая грудь. Маша от-

вела взгляд от мелких прозрачных капелек и, не глядя на генерального, сунула ему под нос скрепленную крокодильчиком пачку бумаг, которые Дмитрий Николаевич совсем не торопился забрать.

– Маша? – удивленно спросил вместо этого. Будто бы или вовсе ее не ждал, или ждал, но кого-то другого.

– Вот... вы смету просили. Я привезла.

– Заходи...

– Зачем?

Ответа не последовало. Неуверенно передернув плечами, Маша вошла в квартиру. Даже как-то странно, что он живет в таком простом, без всякого намека на элитность, доме. Внутри – хороший современный ремонт, но могло быть и лучше, учитывая доходы Самохина. Мрамор, там, и лепнина всякая. Маша фыркнула, представив Дмитрия Николаевича в таком помпезном интерьере, и решила, что лучше уж так, как есть. Ему идет, кстати. У разобранного синего дивана силы генерального покинули окончательно. Тяжело привалившись к стене, он едва устоял на ногах.

– Дмитрий Николаевич, вам врача надо!

– Тише, Мурушкина! Не трещи...

– Так, вам же плохо совсем!

– Горло болит – невелика беда...

– Горло? Дайте-ка я гляну... Ну, что вы смотрите? Рот открывайте!

От этой всей трескотни боль лишь только усиливалась,

ему бы помолчать, но все же не удержался:

– А в тебе, что, пропадет великий ухо-горло-нос?

Мура стусевалась. Весь ее запал, вызванный беспокойством о здоровье любимого начальника, вмиг погас. И снова накатила неловкость:

– Нет... просто я в детстве часто ангиной болела. Могу отличить. И как лечить знаю.

В принципе, Дмитрию было уже все равно. Температура фигачила – тут сомневаться не приходилось, и если сначала ему было жарко, то нынче – знобило. Рот он послушно открыл. Маша подсветила себе фонариком от телефона и сокрушенно покачала головой:

– Дело плохо.

– Я, что, умру?

– Даже не надейтесь. Это было бы слишком просто. А так... придется немного помучиться. И, конечно, постельный режим. У вас есть, кому за вами ухаживать? – спросила без всякой задней мысли, потому что ему действительно сейчас требовался уход.

– Разберемся... – буркнул Самохин, заваливаясь на диван.

– Дмитрий Николаевич, может, врача?

– Никаких скорых, Мурушкина. Так и знай.

– А что же мне с вами делать?

– Как, что? Не ты ли мне буквально минуту назад говорила, что знаешь, как это дело лечить?

Язык генерального заплетался, а ведь это только начало. Дальше, однозначно, хуже будет. Мура осела в кресло. Дернул же ее черт языком болтать! И что теперь прикажете делать? Как расценивать его слова? Как приказ начальника о нем позаботиться? Маша растерянно покосилась на часы, а когда вернулась взглядом к Самохину, тот уже отключился. Просто великолепно!

Первым делом Мура потопала в аптеку. Поскольку в доме генерального царил идеальный порядок, ключи отыскались быстро. Деньги тоже нашлись, но их брать Маша не стала. Лучше уж за свои лекарства купит, а потом, при случае, чеки сдаст болящему под отчет. По дороге в аптеку позвонила деду, предупредив того, что ночевать будет у Люси с Иваном. Так уже случалось, когда они с братом засиживались за разговорами допоздна.

– Так я не поняла, ты к нам ночевать придешь, или у своего матерщинника останешься? – поинтересовалась Люся, стоило Маше ей все объяснить.

– Даже не знаю, – растерялась та. – Дурацкая ситуация. И бросить его – не бросишь, и как оставить его вот так – ума не приложу.

– Вот и не прикладывай! Думать много – вредно! К тому же, это ведь такой шанс, Машуль!

– На что это ты намекаешь? – подозрительно поинтересовалась Мура у снохи, будучи полностью уверенной в том, что о ее чувствах к Самохину никто не знает. Ну, за исключени-

ем Лизетты, конечно, но эта дама все, что угодно, выпытает. Здесь без вариантов!

– Ну... как же? Ты уже забыла, на чей капот твой башмак свалился? Это ведь судьба, Маш!

– И ты туда же! Разве можно верить в подобную чушь?! – возмутилась Мура, и сама себе не поверила.

– Нет, ну, а что? Ты сама подумай... Тем более, мужчина какой! Положительный во всех отношениях. Взрослый, опять же, и что-то мне подсказывает, что тебе как раз такой мужчина и нужен.

– Ага! Такой... – пробубнила себе под нос Маша. Сговорились они там, что ли? – В общем, как только что-нибудь прояснится – так я сразу и отзвонюсь.

Когда Маша вернулась из аптеки, Самохин все так же спал. Потрогав лоб начальника, Мура решила, что без таблеток жаропонижающего ему точно не обойтись. А может, и чего покрепче поставить придется. Например, анальгин с димедролом. Укол, который, известно, в какое место ставится. Щеки опалил жар – проклятье всех рыжих людей. Ну, просто зашибись – начало отношений! Романтика, че...

Самохин выплывать из беспамятства не торопился. Он что-то бормотал и уворачивался от ее рук.

– Дмитрий Николаевич, вам нужно выпить жаропонижающее! – набралась храбрости Мура и даже голос повысила! Несильно, насколько могла...

Тот все же приоткрыл немного глаза.

– Маша?

– У вас ангина и высокая температура, я сходила в аптеку и купила лекарства, которые вам нужно принять, – объяснила свое присутствие в его доме Мура, на случай, если Самохин забыл.

– У меня ангина, а не слабоумие, – заворчал тот, принимая из ее рук две таблетки ибупрофена, – я и так все помню.

– Хорошо. А есть, кому о вас позаботиться? – повторила свой вопрос девушка. – Может быть, мне можно кому-то позвонить? Оставлять вас одного небезопасно, и...

– Вот ты и позаботься...

Прекрасно! Она, конечно же, только об этом и мечтала! Мура с досадой фыркнула и, вскочив со своего места, подалась в ванную, чтобы приготовить больному компресс. Но даже ей самой её возмущение показалось слишком вялым и бутафорским. Однажды кто-то из Машиных бывших одноклассников ляпнул, что темперамента в ней было не больше, чем в дохлой рыбе, и, наверное, тот урод был не далек от истины. Во всяком случае, внешне она редко когда проявляла свою эмоциональность, и это незавидное свойство характера было тоже родом из детства. Не шуми, не прыгай, лишний раз ни о чем не спрашивай. Лизетта утверждала, что она была забитой, а Мура и не спорила, хотя с появлением в ее жизни брата и начала отмечать в себе некоторые изменения. Чувство, что ты хоть кому-то нужен – было прекрасным. Оно раскрепощало и наполняло тело легкой воздуш-

ной радостью.

Мура оглядела ванную комнату и тяжело вздохнула. Ну, и как здесь вообще кран включается? Ни поворотного механизма, ни ручки. Один смеситель торчит прямо из каменной (уж не мраморной ли?) столешницы – и все! Заглянула в душевую кабинку. Ну, здесь попроще... Хотя пипка есть, которую Мура и принялась вертеть. А та возьми – и сработай. И окати ее с ног до головы из каких-то хитро вмонтированных в стене форсунок. Игрушки дьявола! Ну, и что теперь? Взяла аккуратно сложенное в нише под раковиной полотенце, обтерлась. Отжала компресс и, наконец, вернулась к болящему.

– Ты где застряла? Я чуть не умер...

– От этого еще никто не умирал! – буркнула Мура, сворачивая полотенце. – Вот, оботритесь. Это поможет температуру сбить.

– Фу, мерзость какая!

– Знаю, что неприятно, но температуру нужно сбивать, иначе...

– Умру?

– Да что ж вы каждый раз умираете?

Лежащий напротив нее мужчина уже не казался Маше таким уж недосыгаемым. Оказывается, что короли, что челядь – в болезни ведут себя, как малые дети, то есть ноют и выносят мозги.

Мура склонилась над шефом и положила ему на лоб ак-

куратно свернутый валик компресса. Выпрямилась, натолкнувшись на пристальный изучающий взгляд Дмитрия Николаевича. Вот только он не в глаза смотрел, а... на ее обтянутую мокрым трикотажем острую грудь.

Глава 3

– Мура! Мур... Да подожди ты! Куда несешься?!

– Извини, Лизетта. У меня шеф больной, ты же знаешь.

– Угу! Пропадет без тебя, бедняжка!

– Как знать? Температура у него второй день под сорок.

Ангина – опасная штука. Может и на сердце осложнение дать.

– Правильно! Зачем тебе папик-сердечник?

– Лизка! – возмутилась Маша, на полном ходу сворачивая в студенческую столовую.

– Ну, а что? Я не права? Или ты уже остыла, проведя с ним бок о бок ночь?

– Чокнутая! Мы в разных комнатах спали!

– Вот прямо в разных?

– Да!

– Что-то темнишь ты, подружка, а между тем пылающие щечки выдают тебя с головой. Уж мне бы могла рассказать...

– Да нечего рассказывать! Говорю же!

Лизкина навязчивость Машу порядком достала. Тем более, что ей действительно нечего было рассказывать. А краснела она... вовсе не потому, что у них что-то было! Скорее, наоборот. Огнем по венам распространялась как раз таки чувство неудовлетворенности. Оно пылало и жгло ее внутренности, опаляло кожу, заставляло сжимать ноги в попытке

унять... в попытке унять... пожар. Муре одного взгляда Самохина хватило, чтобы завестись. А когда он медленно поднял руку и сжал ее напряженный сосок через мокрый трикотаж футболки – она как в кипящую лаву упала.

– Точно-точно?

– Абсолютно! Так, ты что будешь? Заказывай...

В ожидании заказа Маша размышляла о том, что ничуть не соврала Лизетте! В то время, как она застыла, загипнотизированная его странной лаской, Дмитрий Николаевич медленно отнял руку и, перевернувшись на бок, засопел. Похоже, он вообще вряд ли отдавал отчет своим действиям.

– Ну, а как он... вообще? В неформальной обстановке? – спросила Лизка, устраиваясь за столиком.

– Нормально, Лиза. Нормаль-но!

– Не храпит? Носки не разбрасывает? В носу не ковыряется?

– Ты невозможная...

– Это почему же? К выбору спутника жизни нужно подходить с умом! А кто тебе подскажет чего умного, как не я?

Маша закатила глаза и вернулась к поеданию своего хот-дога.

– Закрыли тему, – пробормотала она, прежде чем запить это дело дерьмовым растворимым кофе.

– Ну и ладно! Раз ты такая...

Лизке действительно пришлось заткнуться, потому что, за неимением пустых столиков, к ним подсели ребята их парал-

лельной группы.

– Привет! Не помешаем? – обаятельно улыбаясь, поинтересовался один из парней.

Мура ниже опустила голову, а Лизетта защебетала что-то на тему «да ни в жисть» и «вы как скажете, тоже». А все потому, что подруга не на шутку увлеклась этим обаяшкой Самсоновым.

Четыре подноса с едой упали на стол, едва не столкнув Мурина стаканчик с кофе. Она молча его отодвинула и перевела равнодушный взгляд в окно. Подоспевшая компания лично ей была неинтересна. Но ради подруги она готова была терпеть. Вдруг у них и правда что-то сложится с этим блондином? Вроде бы, парень он неплохой. По крайней мере, на первый взгляд. В детали Мура не углублялась.

– Че в пятницу будем мутить? – поинтересовался кто-то из толпы.

– Меня подруга на Мота зовет.

– Вот это зашквар! С тех пор, как он стал принимать анальные плюшки от продюсеров и петь новомодные песенки под олдовые битлы, я к нему ни ногой.

– Скажи это моей подруге, бро...

Лизка невольно вскинула взгляд на Муру. И так всегда, стоило кому-то завести речь обо всей этой х*рне. Можно подумать, Маша снова бы на это дело повелась. Да ну. В школьном прошлом все. Спустя два года эта тусовка её абсолютно не привлекала. Она даже не следила за новинками, ей было

все равно, как проходил тот или иной баттл. Она вообще о них не вспоминала. В ее наушниках звучали давно полюбившиеся, проверенные временем треки.

– А на Вирусе в прошлые выходные организовали несколько пробных баттлов. Говорят, в пятницу – повторят. Не хотите сунуться?

– Лиз, я уже пойду... – тихонько шепнула Маша подруге, подхватывая с пола потрепанный рюкзак.

– Но...

– Спишемся потом. Не теряйся.

Если в старом здании университета было еще терпимо, то на улице – жара стояла невыносимая. Футболка моментально прилипла к спине, подмышками образовались пятна. В такой зной даже антиперспиранты не справлялись. Вобрав в легкие обжигающе-горячий воздух, Маша побрела к остановке. Раскаленный асфальт плавился под ногами, казалось, ступи чуть сильнее – и вовсе под землю уйдешь, как в зыбучих песках, ей Богу. Но самый ад был в троллейбусе. Ни вдохнуть, ни выдохнуть. Потому что, если Мурин дезодорант не вполне справлялся, то некоторые его применением вообще не озаботились. К дому Самохина девушка добралась уже в полуобморочном состоянии. Из последних сил прошлепала к торговым павильонам, купила говядины, овощей и, наконец, ступила в прохладу подъезда.

Она уж не знала, удастся ли им поработать, или ей снова придется ухаживать за болящим начальством, но Маше было

сказано – прийти.

– Добрый вечер, Дмитрий Николаевич.

– Маша? А... ну, проходи!

Блин, ну почему он так на нее смотрел? Удивленно, будто бы совершенно не понимал, что она здесь забыла? Это выбивало из колеи. В ней ведь и так уверенности ни на грош не было! А тут еще он со своими взглядами!

– А это что?

– Это – продукты. В холодильнике ничего нет, а вам не мешало бы поесть. А для начала хотя бы выпить бульона.

– И что? Ты мне его даже приготовишь?

– От меня не убудет. Но я вам не советую рассчитывать на что-то сверхъестественное. Готовить я, конечно, умею, но не люблю.

Здесь она тоже не покривила душой. Готовить Мура научилась лет в десять. Мать приобщила, чтобы впоследствии переложить на нее свои обязанности по дому. И все бы ничего, да только Машина готовка после подвергалась такой адской критике, что она просто возненавидела весь этот процесс.

– Смотрю, ты решительно настроена получить премию.

– А я смотрю, вам уже лучше, – парировала Мура, – так, может, в моем присутствии и смысла нет?

Самохин молча подпер холодильник, не сводя с подчиненной глаз. Поначалу он списал свою в ней заинтересованность на болезнь. Чего только в горячке не случится? Но сейчас,

под действием таблеток, температура упала, а Мурушкина все так же притягивала его взгляд, даже несмотря на убийственную боль в горле. Ну, надо же!

– Кредитную заявку я подготовила и отправила Людмиле Васильевне.

– Я в курсе. Она заезжала с документами утром.

– Хорошо... Что-нибудь еще?

– Угу... Оставь в покое это мясо, хватит уже его мучить.

И садись за компьютер.

– Но...

– Я сам все сделаю. А ты займись письмами. Я скелет набросал. Приведи в соответствие. Доулетову продублируй месячной давности за новым номером от текущей даты. Альфе нужны три тягача. Проверь, когда у нас освободятся.

Пожав плечами, Мура уселась за барную стойку и принялась за дело. Начала с Альфы. Хотя у них был целый отдел логистов, просьбами старых партнеров Дмитрий Николаевич занимался лично. И контролировал все тоже сам.

– Людмила Васильевна уходит в отпуск. Ты сможешь выйти на целый день на замену? – из-за болезни голос Самохина звучал непривычно тихо. Видимо, ему и впрямь было плохо. Хотя, кому, как не ей, это знать?

– Когда?

– С первого.

– С первого могу. У меня как раз сессия закончится.

Маша обрадовалась выпавшей возможности, как ребенок.

Во-первых, лишних денег никогда не бывает. Во-вторых, Самохин – сам по себе уже довольно весомый повод. В ответ на ее слова Дмитрий Николаевич кивнул, и поставил кастрюлю на огонь. Было что-то уютное в этом всем. В мужчине, колдующем над плитой. Установившееся в квартире молчание прервал звонок телефона. Генеральный покосился на дисплей, и в тот же момент в его лице что-то неуловимо изменилось.

– Самохин, – бросил коротко в трубку. – Поговорить? Мне с ним? Какого хрена? О чем нам с ним разговаривать?

Дмитрий Николаевич вышел из кухни, но в абсолютной тишине квартиры эта попытка уединиться обернулась полным провалом. Мура слышала каждое его слово.

– Нет, ничего не выйдет... Нет! Слушай, ну, серьезно... Чтобы вам сейчас не приходилось отлавливать его по всяким притонам, тебе всего-то и нужно было позволить мне забирать его из детского сада! Принимать участие в его воспитании! Я ведь не много просил. А теперь уже поздно, Вика. Я ему кто? Чужой дядя? Думаешь, он станет слушать мои морали? Да на х*ю он меня вертел. Как и вас с Владюшей... Я – жестокий? Я?! Ты себя слышишь, Вика? Вы его воспитывали. Вы! Что же ты теперь ко мне, поджав хвост, прибежала? Припекло? Да какая, твою мать, месть! За кого ты меня принимаешь? Ты эмоции отключи, а мозг, напротив. И скажи мне – станет ли он меня слушать? Ну?

Видимо, на том конце провода отключились. Либо Само-

хин сам сбросил вызов. Как бы то ни было, спустя пару секунд тот вернулся в кухню. Сделав вид, что не слышала разговора шефа, Маша сосредоточенно стучала по клавиатуре. Дмитрий Николаевич тяжело осел на барный стул и отвернулся к окну:

– Да слышала ты все. Какого хрена цирк устраиваешь?

Он, что же... хочет это все обсудить? Маша промолчала, но от работы отвлеклась.

– Уже и ярлык, небось, навесила?

– Почему же? Я с этим делом никогда не спешу. Обманчивой, знаете ли, порой бывает картинка.

– И часто тебе приходилось обманываться?

– Не то, чтобы. Зато по-крупному. С людьми вообще все сложно.

– С чего такие выводы в столь юном возрасте?

Казалось, Самохину и правда интересно, поэтому Маша все же решила озвучить собственные мысли:

– Жизнь научила. Сразу ведь не разберешь, кто перед тобой. Подлинник или подделка. Некоторые так свое дерьмо упаковывать научились – попробуй, разгадай, что в середине. С виду – яркие, вкусные, завлекательные. Я их «люди-фантики» называю. Тех, с которых обертку снимать не стоит, иначе запачкаешься – там коричневая жижа внутри, если вы понимаете, о чем я.

– А ты – философ, Маша...

– А у вас температура опять. Горите – аж отсюда видно.

Вам бы прилечь, а с бульоном я и сама закончу.

Самохин послушно расположился на диване, опустил голову на прямоугольную подушку в полоску всех оттенков коричневого и медленно, будто нехотя, прикрыл глаза.

– А что же с этими фантиками делать, Мурушкина?

– Главное – не разворачивать, и на вкус не пробовать. А там... можно отдать голодающим. Те сожрут и добавки попросят.

– А что же мне есть потом, если раздам все конфеты?

– А вы, Дмитрий Николаевич, бульончик кушайте. Простенький, возможно, даже покажется, постный. Но для здоровья полезнее – факт.

Маша не знала, дослушал ли ее генеральный, или раньше уснул. Лучше бы он, конечно, вообще о ее трепе не вспомнил. С чего только разошлась? Нашла, кого жизни учить. Идиотка. Но сказанного не воротишь. Своими словами ты управляешь ровно до тех пор, пока те не сорвались с губ. А после – уже они берут тебя в оборот. Бросив еще один задумчивый взгляд на Дмитрия Николаевича, Мура вернулась к работе. Бульон на плите кипел, как и мысли в ее голове. По всему выходило, что у генерального имелся ребенок. Мальчик, с которым ему не давали общаться в детстве, и который теперь, похоже, вышел из-под контроля. Это никоим образом не делало Самохина менее желанным для Маши, напротив... Ей захотелось отогреть Дмитрия. Подарить ему то, чего он, похоже, не знал. То, чего она и сама не знала! Семью.

Глава 4

– Ты не можешь меня бросить на произвол судьбы!

– Начинается!

– Я серьезно, Мура! Чего тебе стоит пойти вместе с нами?

– У меня сессия, работа, требовательный начальник и сварливый дед! Я до дивана с трудом доползаю, а ты мне предлагаешь еще в клубешник сходить!

– Ты рассуждаешь как пенсионерка, Мура. А ведь тебе всего двадцать лет!

– А кажется, что все сто...

– Тем более нужно взбодриться! Ну? Тряхнем стариной под крутые панчи...

– Нет, Лизетта, и не проси, и вообще, помолчи немного, дай я хоть конспект почитаю.

– Перед смертью не надышишься! – блеснула народной мудростью Лизетта.

– А разве я собралась умирать?

Девушка воткнулась взглядом в тетрадку и надолго выпала из реальности. Первый зачет – а в ней никакой уверенности! Ведь после работы у Муры совершенно не оставалось сил на зубрежку, и теперь она могла рассчитывать разве что на знания, которые почерпнула на лекциях, хотя с вечно тархтящей на ухо Лизеттой, слышала она не так, чтобы много. А значит, надежда оставалась только на данный от при-

роды ум.

– Твою мать! Вот какого хрена?! – зашипела Лиза на ухо, и что-то в ее голосе заставило Машу оторваться от своего занятия. Сначала она не поняла, что послужило причиной Лизкиного возмущения, а после... Нет, ничего сверхъестественного не случилось. Она не умерла, не упала в обморок, жизнь не остановилась, планета не замерла, но... Все же вид стоящего в нескольких метрах Богатырева царапнул что-то там... глубоко, убранное с видного места в самые дальние тайники памяти. То, что вспоминать не хотелось, не то, чтобы ворошить. – Вот и че этот урод приперся?!

– Да тише ты, чего орешь?

– Пусть знает, что я о нем думаю!

– Можно подумать, его это волнует.

– М*дак он редкий. Разве таких заботит хоть что-то?

– Да, брось. Что на калеку злиться? Его жизнь вон как наказала. Хромает до сих пор.

– Так и надо этому обосранцу за то, что с тобой тогда так.

– Да ну! Он же не знал, что я такая впечатлительная, – хмыкнула Мура.

– Интересно, что ему здесь понадобилось... – процедила Лизетта сквозь зубы.

Маша покосилась в сторону собравшихся в проходе парней. Модная удлиненная челка, пришедшая на смену подстреленной прямой, которую она носила еще два года назад, позволяла ей действовать незаметно. Да уж. Хорош, как и

раньше. Ничего та авария в нем не изменила. Стоит, как всегда, в центре внимания, руками машет. Только татух еще больше, все открытые участки кожи забиты, так что даже на лицо кое-где узор наплзает, прибавляя ему загадочности. Будто бы почувствовав ее взгляд, Сева медленно повернул голову.

– Пойдем в первой пятерке, – сказала Мура Лизетте, делая вид, что ничего такого не происходит.

– Очкую я что-то.

– Сама говорила, что перед смертью не надышишься. А на этого смотреть – сил нет.

– Помнишь, слух ходил, что ему ноги оторвало? – шепнула Лиза, уже на пороге аудитории. – Ты еще плакала тогда...

– Да это из жалости, Лиз.

– А он тебя не жалел! И, как видишь, ноги на месте.

– Ну, и пусть. В прошлом все.

– Нужно спрашивать у своих, откуда этот урод появился. Говорят, за границей лечился долго, после аварии.

– Мурушкина, Самойлова, вы сюда поговорить пришли или зачет сдавать? Тяните билет, неугомонные! – прервал их разговор строгий голос преподаши.

Билет выпал не самый худший. Мура довольно уверенно рассказала о построении вероятностной математической модели случайного явления и получила первое заветное «зачтено» в зачетку. А вот Лизка в теме откровенно плавала, но поскольку от нее никто и не ждал чего-то фееричного, той с

горем пополам и посильной помощью преподавателя ей все же удалось рассказать об аксиомах Колмогорова.

– Я сегодня напьюсь! – поставила подругу перед фактом Самойлова, выходя из аудитории.

– Не рекомендую. Послезавтра у нас история экономических учений.

– Ты – зануда. А у меня – стресс. Его лечить надо! Нет, посмотри, сидит...

– Может, он восстановился, а? – внесла предположение Маша, наткнувшись на пристальный Севин взгляд.

– Понятия не имею! Но с нашим везением...

– Ты-то здесь при чем?

– А мне за тебя обидно! – возмутилась Лизетта, а после добавила зло, переступая через вытянутые конечности Богатырева. – Расселся барин! Ни пройти, ни проехать!

– Зачем ты так?

– Пусть ведет себя, как человек. А то привык, что земля вокруг него вертится!

– Ты ведь ничего о нем не знаешь.

– Нет, вы посмотрите! Поверить не могу, что ты его защищаешь!

– Я не защищаю, просто...

Что «просто» Маша и сама не знала. Она была в больнице, когда Сева разбился. Все случилось в один день. Мура вскрылась, а Богатырев попал в страшную аварию на той самой машине, которой она так сильно восхищалась. Подроб-

ности произошедшего семья Всеволода хранила в тайне, и достоверно никто не знал, как все было на самом деле. Ходили упорные слухи, что в крови Севы обнаружили ударную дозу запрещенных препаратов, но дело очень быстро замяли. Сама Маша находилась не в том состоянии, чтобы вникать в подробности. Ей зашили раны и вытолкнули в жизнь, к которой она не была готова. И с которой ей никто не собирался помогать разобраться. Родители... если и испугались поначалу за дочь, то надолго их испуга не хватило. Маша, наверное, никогда не забудет, как мать отходила ее полотенцем только лишь за то, что спустя неделю после выписки она слишком пристально, по мнению той, смотрела в окно. Как эта женщина кричала, брызжа слюной:

– Психичка ненормальная! Жить надоело, да?! Так ты бы вены вдоль резала! Чтоб уж наверняка, а так только позору с тобой набрались!

И, наверное, в тот самый момент что-то в ней окончательно оборвалось. Та тонкая ниточка, которая еще связывала Муру с семьей. За которую ее то и дело дергали и теребили, усугубляя не проходящую боль. А в тот момент боль достигла своего пика. Стала невозможной, нестерпимой, разрывающей душу на части пониманием того, что... все! Нет ее – этой родственной связи, и любви тоже нет. Она ушла, испарилась, не оставив следа, только раны да кровотокащие на запястьях царапины. Маша наблюдала как будто со стороны, как родители вытаптывают все светлое, что еще хранила ее

память, как они ненавистью выжигают последние чувства к ним и гасят свечи надежды на их возможное воскрешение, словно нарочно разрушая все то хорошее, что она в них видела сквозь свои детские розовые очки.

И как только это случилось, стало как-то светлей. Зная, что ничего никому не должен, потому что нет никого. Ты одна. Потому что эти люди, эти странные люди, у которых ты по ошибке родилась, тебе совершенно далекие, и не имеет абсолютно никакого значения, что в твоих венах течет их кровь. Потому что вокруг полно чужих людей, которые гораздо ближе, гораздо надежнее и гораздо более достойны твоей любви.

– Мару-у-усь...

– Ммм?

– Ты мне только правду скажи! Этот козел... Он в прошлом?

– Еще бы, Лиз, ты как выдумашь!

– Просто ты так на него смотрела!

– Из спортивного интереса. Не больше! И вообще... я опаздываю к Самохину.

– Вы все еще дома? – с намеком пошевелила бровями Лизетта.

– А ты как думала? В его-то состоянии.

– Вот и отлично, Мур! Ты, главное, не теряйся. Покажи ему себя с тех сторон, с которых в офисе не смогла бы!

– Это с каких же?

– Ну, я не знаю! Придумай что-нибудь. Второго такого

шанса у тебя явно не будет.

Можно подумать, Маша не знала! С другой стороны, она уже, наверное, и правда сделала все, что могла! Во-первых, продемонстрировала Самохину свою надежность и покладистость, не каждая секретарша станет исполнять прихоти шефа на дому! Во-вторых, купила ему лекарства, тем самым зарекомендовав себя человеком неравнодушным. В-третьих, сварила суп, который Дмитрий Николаевич пусть с неохотой, но съел. В-четвертых... Блин, да она даже сиськи ему показала! Не специально, конечно, но... Что в большей степени способно увлечь мужика?! А он пока... совершенно не выказывал ей своей заинтересованности. Если, конечно, не считать того самого мимолетного поглаживания, которое до сих пор занимало все ее эротические фантазии.

– Хорошо, – безропотно согласилась Мура.

– Ты такая красавица, Машка! Все мужики твои будут!

– Угу... – буркнула Мура, запрыгивая в троллейбус.

– Не забывай это повторять каждый раз перед зеркалом! – крикнула ей вдогонку Лизетта.

– Про мужиков?

– Нет, дурочка...

Она еще что-то говорила, размахивая руками, но Маша уже не слышала подругу. Только улыбалась невольно, глядя на ее удаляющийся силуэт. Да, уж... Красавица. Нет, Мура честно старалась повысить самооценку, которая упала, наверное, уже в момент ее рождения. И в этом ей во многом по-

могала Лизетта, которая неустанно ей восхищалась, и... Люся. Жена Машиного брата работала главным бухгалтером в сети элитных салонов красоты и время от времени баловала золовку всяческими процедурами, которые в обычной жизни той были совершенно не по карману. Именно благодаря Люсе Мура обзавелась приличным парикмахером, которому удалось укротить ее буйную гриву и смягчить слишком яркий от природы оттенок волос. Маша так и осталась рыжей – этот цвет, как ей объяснили, был ее фишкой, но теперь он стал намного более благородным и не таким кричащим. Там же девушке провели коррекцию бровей, научили премудростям макияжа и сделали лазерную эпиляцию. Теперь Муре не нужно было каждый раз бриться, опасаясь, что засветит отросший огненно-рыжий ежик. Случившееся с ней преобразование Маша воспринимала как настоящее чудо, вселяющее в нее уверенность. Еще бы веснушки куда-нибудь деть, но это, похоже, абсолютно невыполнимая задача. Ну, и ладно. Это в школе Лукьянов говорил, что Муру будто птицы с ног до головы обос*али, а вот Люся со Стеллой утверждали, что ее поцеловало солнце. Эта версия Маше нравилась гораздо-гораздо больше.

Самохин её встречал еще больше заросшим и каким-то напряженным, что ли? Мура решила, что не станет заострять на этом внимание, просто займется своим делом.

– Тягачи для Альфы кто подыскивал?

– Я. А утром передала логистам на контроль. Что-то не

так?

– Нет, все в порядке.

Самохин как-то странно на нее посмотрел и пошел вглубь квартиры. Настроение было ни к черту. С утра снова звонила Вика, и чтобы избавиться от ее воплей, Дмитрию все же пришлось поговорить с сыном. Пока по телефону, но... после-вкусие мерзкое осталось. Как д*рьме наелся. Настроен тот был агрессивно и, естественно, послал отца, куда подальше, вместе с моральями, которые Самохин ему, в принципе, даже не собирался читать. Попросить остановиться – да. Потому что Сева, как ни крути, был его ребенком. Потому что он его, несмотря ни на что, любил. И сидел возле реанимации, когда тот умирал, и давал деньги на дорогостоящие протезы и операции в попытке вернуть того к жизни. И плакал вместе с ним, когда он, сломавшись, крушил палату. Теми самыми дорогостоящими протезами. Наматывая слезы бессилия на татуированный кулак. Именно он был с ним.

Чтобы отвлечься от невеселых мыслей, Самохин перевел взгляд на девчонку. Удивительно. Она у него почти год работала – и ничего. Только в последние дни торкнуло. Да так, что эта соплячка теперь занимала его мысли едва ли не наравне с проблемами сына и бизнеса. Разглядел он в ней что-то. То, что огненными всполохами пробежало вдоль позвоночника и жгло поясницу. Может быть, стержень, которого он раньше не замечал, и который на контрасте резонировал с ее внешней покорностью. Может быть, слишком взрослые,

какие-то совершенно не по возрасту мысли... И совершенно точно – глаза! Маша их прятала постоянно, отводила в сторону, а между тем... печальные, настороженные, как у зверька – огромные зеленые озера, они притягивали магнитом. Дмитрия все в ней манило. Россыпь веснушек на идеальной алебастровой коже, пухлые, удивительно яркие губы, ее тонкая фигура, и невысокий рост, и маленькая острая грудь с большими розовыми ареолами, опоясывающими миниатюрные бутоны сосков...

Черт! Он никогда не понимал взрослых мужиков, заглядывающихся на малолеток. Это выглядело настолько пошло, что ничего, кроме смеха, не вызывало. Стареющий ловелас, бросающий пыль в глаза окружающим. Смотрите, мол, я все еще на коне и в силах! Жалкое зрелище, как ни крути. А потому Самохин предпочитал ровесниц. С теми хотя бы можно было поговорить на понятном ему языке, а не только лишь тр*хаться. Честно сказать, в последнее время секс в его жизни занимал далеко не главную роль. Он порой так с работой натр*хивался, что от бабы лишь одного хотелось – горячего ужина и ненавязчивой беседы. А теперь...

– Здесь всякие согласия на обработку... персональных данных... Людмила Васильевна... сказала заполнить. Что-то не так?

Вполне возможно. Самохин и сам не знал. Нормально ли то, что он хочет тра*нуть свою секретаршу?

Глава 5

Каким-то чудом экзамен по теории экономических учений Мура сдала на пятерку. И даже Лизка не сплеховала, получив заслуженное «хорошо».

– Это точно нужно отметить! Скажи мне, что ты обдумала мое предложение, – подпрыгивая едва ли не до потолка, кричала Лизетта. – Меня Сам пригласил пойти на Вирус! Ты идешь со мной!

– А на конец сессии культурную программу перенести ты не думала?

– Вот еще! Кто так делает?

– Все нормальные люди.

– Студенты и молодежь к этой категории не относятся!

– Какая интересная теория...

– Зато всеми признанная. Так тебя ждать? Думаю, да! Потому что отказы не принимаются.

– Могу только после девяти.

– Самохин?

– Работа, Лиза, работа!

– Ну, и ладно. Самое интересное там начинается в десять. Сама подтянешься? Знаешь хоть, куда?

– Угу. Сразу после работы.

– Давай тогда, спишемся. Не пропадай, не то я тебя прокляну, – зловещим голосом пообещала Лизетта.

– Да ты добрячка! – ухмыльнулась Маша.

– А что прикажешь делать? Надо же тебя из скорлупы вытаскивать? А в этом процессе, пожалуй, все средства хороши! Да, и... Я о Богатыреве разведала тут ненароком. Ты была права. Он восстановился. На наш курс, прикинь?

– Твою ж бабушку... – выругалась Мура.

– Угу. Радует, что впереди лето. Будет время свыкнуться с этой потрясающей во всех смыслах новостью. Хорошо, хоть не в нашу группу попал. Урод.

– Ладно, кто прошлое помянет – тому глаз вон. Кажется, так говорят. Нам с ним детей не крестить, да и вообще... Столько воды утекло!

– Ты это каждый раз повторяешь, как мантру. Может быть поэтому я тебе и не верю! – погрозила пальчиком Лизетта, откидывая на спину завитые светлые локоны.

– Иди уже, неверующая! Вон твоя маршрутка.

Лизка кивнула и запрыгнула на подножку, автобус Маши подошел через несколько минут. Дома вкусно пахло жареной картошкой и молодым укропом. Дед приготовил обед.

– Привет, дедуль.

– Сдалась?

– Как Карфаген римлянам. Пятерка!

– Брату позвони, скажи. Он спрашивал.

– Конечно, только поем.

– Ты сегодня на работу или...

– На работу. А потом останусь, наверное, у Люси с Ива-

НОМ.

– Что-то зачастила ты к ним! Чем тебе дом не мил?

– Ну, у нас небольшой студенческий сабантуйчик, так что... Буду поздно, не хочу тебя будить.

– А Ивана, выходит, можно?

– К ним после добираться ближе. Всего квартал пройти... Да и ключ у меня имеется. Люся дала, когда они с Иваном в отпуск уезжали. Я за цветами приглядывала, помнишь?

Маша наложила себе полную тарелку картошки на сале, и рядом шлепнула ложку салата. Все же хорошо, что дед иногда готовил. Ей, конечно, хотелось и его порадовать своими кулинарными шедеврами, но готовка для Муры даже сейчас была сопряжена с неприятными воспоминаниями.

– Мать звонила. Спрашивала, как ты, – буркнул дед, усаживаясь рядом. – Может, домой вернешься?

– А ты меня... гонишь? – осторожно поинтересовалась Маша.

– Вот еще! Но... она просила. Видать, совесть замучила, что тебя допекла.

– Скорее, устала объяснять подружкам, почему от нее, такой распрекрасной, дочка сбежала! – фыркнула девушка. – Нет, дед. Я лучше с тобой. А выгонишь – сниму комнату, но к ней не вернусь.

Маша отвернулась к окну и слепо уставилась на обласканные ветром макушки черемухи. Настроение упало, аппетит пропал.

– Ну, гляди! Я тебя не гоню, Мария. Так, то и так. Знаю, что не подарочек твоя мамаша. Это моя вина.

– Да брось, дед! В возрасте матери уже стыдно списывать свое дерьмо на кого-то. Люди сами себя делают. Ладно... Пойду на работу собираться.

– И не доела ведь! Переводишь харчи! – бубнил дед Андрей.

– Да что-то не хочется. Наверное, из-за жары.

Приняв душ, Маша открыла шкаф и, проклиная липучесть Лизетты, оглядела свои нехитрые пожитки. Еще бы понять, что из этого барахла подойдет для похода в клуб? После недолгих раздумий Маша остановила выбор на обычном черном платье-майке, которое отлично смотрелось с серебристыми кедами. Волосы собрала в конский хвост, выпустив длинные пряди челки. С распущенными, по такой жаре – только дуры набитые ходят, Маша себя к таким не относил. Макияж... Ну, здесь сильно не разгуляешься. Все же ей еще на работу идти. Не стоит шокировать Самохина, поэтому Мура ограничилась тушью для ресниц. Модную марсаловую помаду она и после работы нанесет. Вот и все, пожалуй.

В этот раз Самохин открыл ей довольно быстро. Будто бы у порога топтался в ожидании ее прихода. Абсурдность такой мысли заставила Машу фыркнуть.

– Что-то не так?

– Нет, все в порядке, – пробормотала Мура, наклоняясь, чтобы расшнуровать кеды.

Дмитрий проследил за ней взглядом, с удивлением отмечая, как шикарно смотрится ее маленькая попка, обтянутая обычным плотным трикотажем. Сегодня в образе Маши что-то определенно было не так. Возможно, то, что он впервые видел ее в платье, еще и в таком. Подчеркивающим каждую линию тонкого тела девушки.

– У тебя не день рождения, часом? – поинтересовался мужчина.

– День рождения? – удивленно переспросила Мура, – Нет. Ничего такого...

Самохин кивнул, отступая вглубь квартиры. Ругая себя за неуместное любопытство, бросил на секретаршу еще один взгляд и поймал себя на мысли, что прикидывает в уме, куда бы она могла в таком виде намылиться? И сам охренел от того, как дернулось что-то внутри, заворочалась недовольно от понимания, что, вполне возможно, она принарядилась для свидания с каким-нибудь прыщавым малолеткой. Таким же малолеткой, как и сама она. Приехали – одним словом.

– Забронируй на второе три билета... Четвертого возвращаемся. Рейс без пересадки, – бросил как-то зло, стоило ей устроиться за столом.

– Бизнес-класс? – постаралась не показать своего удивления Мура.

– Обычный. Чай не цари.

– На вас, Деревянко и...

– На тебя, Мурушкина! Открытие нового терминала. Или

мне без секретаря прикажешь лететь?!

– Но... ладно.

– Там будут всякие важные люди. Так что купи себе подходящие тряпки. Чеки принесешь – стоимость компенсирую.

– Может быть, не надо было Людмилу Васильевну в отпуск отпускать? – стусевалась Мура, не понимая, чем накликала на себя недовольства начальства.

– Там потом каждый месяц какое-нибудь мероприятие. Так что разницы нет, – буркнул Дмитрий Николаевич, закидывая в рот таблетки.

Мура старательно выполняла приказания генерального, но чем больше она старалась угодить, тем хуже у нее выходило. Пожалуй, сегодня у Дмитрия Николаевича было наидер*мовейшее настроение за все время её с ним знакомства. Маша делала ошибку за ошибкой, которые тут же исправляла, смущенная его пристальным взглядом с прищуром. Напряжение сгущалось, и если бы не телефонный звонок... Могло бы, наверное, даже рвануть.

Из разговора Самохина Маша поняла, что тот общается с сыном.

– Я рад, что ты снова загорелся этой темой, но мать права. Учебу нужно окончить! Времени нет? Так ты с загулами своими придержи коней, глядишь, время и на творчество, и на учебу появится... Слушай... я поддерживаю тебя, да... Но учеба...

В общем, Дмитрий, как, наверное, и все родители в ми-

ре, в какой-то момент жизни собственного отпрыска был вынужден оседлать всем известную тему «ученье – свет, а не ученье – тьма». Но Маше понравилось, как он это сделал. Давал понять сыну, что поддержит того в любом его начинании и эксперименте, но все же твердо стоял на том, что без учебы ему не обойтись. Он вроде и давил, но в то же время оставлял сыну пространство. А потому, несмотря на избитость темы, его слова не звучали заезженно и по-стариковски сварливо. Он говорил с парнем на равных.

Самохин завершил разговор и бросил на Муру взгляд из-под бровей. Та стушевалась.

– Детки, – прокомментировала, будто у самой с десятков спиногрызов по дому бегали. Идиотка! Ничего умнее придумать не смогла! Наверное, мысли Дмитрия Николаевича приняли такую же направленность. Потому что он улыбнулся краешком тонких губ и отвернулся.

– У тебя и по этому поводу есть, наверное, какая-то своя теория? – хмыкнул он чуть позже.

– По поводу отцов и детей? – осторожно уточнила Мура, стгорая со стыда.

– Ага, по нему самому...

– Ну, – протянула Маша задумчиво, – главное – их любить.

– Это не ново.

– Зато остро-насушно в современном мире. Знаете, сколько любви недополучают дети? А ведь ее недостаток чело-

века практически уничтожает. Ломает ему хребет. Делает робким, зажатым, неуверенным в себе, некрасивым... Он боится все испортить, боится что-то начать, он обрастает комплексами, как подросток прыщами. И всю последующую жизнь таскает за собой этот багаж, как дурак – чемодан без ручки.

Самохин обернулся:

– А тебе, смотрю, это знакомо не понаслышке?

Маша робко повела плечами, склоняясь над клавиатурой. Больше они на посторонние темы не отвлекались. Только работа. И его изучающий новый взгляд, который Мура, казалось, чувствовала кожей. В тот вечер время тянулось жвачкой. Мура едва дожидая до заветных двадцати одного ноль-ноль. Уже провожая ее в прихожей, Самохин спросил:

– А что же делать с нелюбовью? Бывает же такое, Мурушкина?

– Бывает, Дмитрий Николаевич. Даже чаще, чем мы можем представить. От нелюбви нужно бежать, пока поздно не стало. Пока она тебя не разрушила, как раковая опухоль. И если силы еще остались – все бросить, и бежать. Хоть с узелком на палочке...

После тишины и уюта квартиры Самохина гремящий диджейскими сетами клуб показался Муре филиалом ада. Ей ничего не хотелось, ни пить, ни танцевать. К тому же, голова разболелась, и басы больно били по нервам.

– Дамы и господа! С вами Катар, и сегодня мы пошу-

мим? Пошумим?! – орал ведущий в микрофон, представляя первую пару участников баттла. Короткое интервью, вызывающее в толпе по очереди то одобрительный гул, то разочарованный ропот, и вот уже первый пошел. Довольно хороший ритм, темп и читка. Оппонент – однотипная х*ета. Но даже несмотря на дерьмовое исполнение и свисты в толпе, Машу подхватила эта волна. Волна кача, драйва, противостояния!

– Вштырило? – проорала Лизка.

– Нормально стелят. Первый отлично зашел!

– А ты хотела дома сидеть! – не преминула напомнить подруга.

Мура только улыбнулась и вернулась взглядом к происходящему. О том, что с ее везением вечер не мог пройти гладко, она не думала ровно до того момента, как ведущий не представил новых участников.

– Вот же, бл*дь! – озвучила мысли Муры Лизетта. – И этот здесь. Выходит, вернулся в тусовку... Извини, Мур, я ведь не знала...

Из-за шума Маше приходилось прислушиваться к словам подруги, наклонив голову, а в ответ ей орать:

– Да по х*р! Смотрим дальше...

Но интересно уже не было. Тема у парней была какая-то остросоциальная, и обычно ей такие замесы нравились, но не сейчас. До конца представления осталась чисто из принципа. Ну, и чтобы Лизка лишней раз убедилась в ее равнодушии к Богатыреву. Не то потом плешь проест. Однако, как только

раунд закончилось, Лиза поспешила ретироваться.

– Извини, Лизетта, я уже на ногах не держусь.

Маша пробралась сквозь плотную гудящую толпу к выходу, и с наслаждением вдохнула свежий, пропахший пылью, прибитой дождем, воздух. В прокуренном помещении, где, презрев все запреты, курили, казалось, все, сама Мура дышала вполсилы. Поэтому сейчас возможность вдохнуть полной грудью за счастье.

– Хороший вечер, – раздался хриплый голос за спиной.

– Да, неплохой... – покосилась на Севу Мура.

– Понравилось? – спросил, дернув головой в сторону входа.

– Нормуль.

– Я тут выпал ненадолго из жизни. Расскажешь, что здесь да как?

Сева достал сигареты и, выбив одну, губами вытащил ту из пачки.

– Наверяд ли. Я редкий гость в этой тусовке, Сев, так что...

Давай, до скорого.

– Тебя подкинуть?

Дверь в клуб открылась, окатив их новой порцией шума. Мура отрицательно покачала головой.

– Подожди... – Всеволод сделал несколько дерганный шаг и ухватил Машу за руку.

– Лапы от нее убери, козел! – раздался яростной голос Лизетты. Мура хмыкнула, разворачиваясь на звук. Наивно

было полагать, что та отпустит ее так просто.

– Воу-воу... Придержи коней, подруга, – Богатырев выставил руки ладонями вперед, – че тебя так бомбит?

Проигнорировав Севу, Самойлова схватила Муру за руку, и потянула ту на себя.

– Эй, да что с тобой не так?

– Держись от нее подальше, понял?

– А ты с х*я ли здесь на меня свой маргарин вываливаешь?

– Да пошел ты, урод! – в порыве ярости Лизетта изо всех толкнула парня в грудь руками. Вообще-то, при обычных обстоятельствах хрупкая Лизка вряд ли могла причинить кому-то реальный вред. А Сева... Он просто отступил, но не учел, что под ногами ступенька. Как в замедленной съемке Мура наблюдала, как в глазах парня появилось недоумение, которое в мгновение сменилось страхом. Он покачнулся и, нелепо взмахнув руками, повалился на спину. Маша присела, с ужасом глядя на ноги Богатырева, которые неестественно изогнулись, застряв в спущенных на бедра джинсах. Протезы. Вместо ног у него были протезы...

Глава 6

– Сева... – подползла ближе к лицу парня Мура, – Сева, ты как?

Он не отвечал. Отвернулся в сторону и пытался встать. Чтобы хотя бы не лежа терпеть это унижение. Закрыв предплечьем лицо. Но это слабо помогало сдерживать клокочущие внутри эмоции.

– И че теперь делать? – тупила Лизетта, несколько дезориентированная случившимся.

– Пошла вон! – просипел Сева.

– Эй, ты... Полегче! Я, может, помочь хочу...

– В п**ду засунь свою помощь! – Его трясло. Его душили унижение и чувство черного абсолютного бессилия. И слезы... Чертовы ни х*ра не мужественные слезы, подступившие к темным глазам, грозили вот-вот сорвать Севу в очередную истерику. Сколько их было за последние пару лет? Сколько их, мать его, было...

– Сева...

– Валите все.

– Слушай, че за тупой баттхёрт? Мы же помочь хотим... – снова влезла Лизетта.

– Пошла на х*й, ты, че, глухая?! – заорал Богатырев, – все пошли! – не выдержал – заскулил, при помощи рук и пятой точки отползая от них.

– Но...

– Лиз, не надо... Иди. Мы тут... мы тут сами справимся.

– Ага! Еще чего...

– Лиза! – одернула подругу Мура и жестом головы приказала той возвращаться в клуб и не спорить.

Лизка послушалась. Наверное, случившееся на нее действительно сильно повлияло. Никак иначе ее покладистость было не объяснить. Встав с колен – и так уже ободрала, Мура сделал пару шагов и снова присела на корточки. Осторожно коснулась плеча парня:

– Давай, вон скамейка... Эти штуки ведь можно ммм... установить на место?

Сева молчал. Только его широкая грудь поднималась слишком часто – вдох-выдох, и снова вдох. И у нее сердце сжималась от... От чего, Мура не знала.

– Уйди.

– Обязательно, – не стала спорить Мура, – ну же, давай!

Кое-как они добрались до лавки. А вот что делать дальше – Маша просто не представляла. Протезы застряли в тесных штанинах модных джинсов, и как их оттуда достать, не снимая с парня штанов – девушка не понимала. Растерянно оглядевшись по сторонам, Маша полезла в сумочку.

– У меня есть маникюрные ножницы...

– К чертям...

– Мы разрежем ткань, достанем протез, и ты снова его наладишь... Сева, ты меня слышишь?

Мура обхватила ладонями колючие щеки парня и заглянула тому в глаза. В отрешенном взгляде Богатырева мелькнула бледная тень сознания. Он медленно кивнул головой и спрятал руки в подмышках.

– Достань сижку... пожалуйста, – просипел он. Маша удивленно вскинула голову, не совсем понимая, почему бы ему не сделать это самостоятельно, но все же выполнила просьбу Богатырева, забравшись в карман его бомбера. Все стало понятно, когда Сева схватился за сигарету. Его руки тряслись, как в припадке. Мура никогда не видела настолько острой реакции организма на стресс. Вряд ли бы он смог сам достать сигареты. И тем более Сева не мог прикурить. Только злился еще сильнее, растирая свободной рукой по лицу злые слезы.

– Дай я... – нашлась Мура. Выхватила из его пальцев сижку, щелкнула зажигалкой. Она не курила, поэтому закашлялась на первом вдохе. Черт с ним. Зажав фильтр между большим и указательным пальцами, поднесла тот к губам парня. Он жадно втянул в себя дым. Выдохнул носом, и снова затянулся. У Маши пальцы жгло – с такой яростью он тянул.

– Еще...

Маша подкурила вторую сигарету. Эту Сева смог уже выкурить самостоятельно, пока она маникюрными ножницами кромсала его штаны. На это ушло много времени и еще парочка сигарет. Мура так надышалась табачным дымом, что ей стало плохо.

– Вот... Ну-ка! Что с ними дальше делать? – наконец спросила, когда протезы оказались в ее руках.

– Выкинуть на х*й. И все...

– Зачем ты так? Как их приладить? Ну... обратно?

– Дай сюда...

Сева забрал у нее из рук сначала левый протез, повозившись с ним, зафиксировал на ноге и взялся за правый. На его установку у парня ушло немного больше времени. Он злился, психовал и матерился. Сама Маша отошла в сторону, чтобы его не стеснять. И не пялиться. Хотя... Севины розовые культы и без того стояли у нее перед глазами. А в душе... Господи! Такая неразбериха творилась! Маше было больно и страшно от того, как судьба обошлась с молодым красивым талантливым парнем. Ей хотелось его обнять, утешить... Пообещать, что все будет хорошо, подставить плечо. В ней ширилось необъяснимое чувство сопричастности к чужому человеку, боль которого почему-то воспринималась необычайно остро. Не потому ли, что она сама долгое время жила с огромной раной внутри?

– Я все...

– И... что дальше? Может, вызвать такси, или...

– Я на колесах.

– Ты уверен, ну... Ты уверен, что сможешь...

– У меня нет ног, а не рук! Засунь свою жалость...

– Я тебя не жалею!

– А так и не скажешь...

– Я волнуюсь, чтобы ты нормально добрался. Только и всего.

Сева хмыкнул, глубоко вздохнув, попытался встать. Не раздумывая ни секунды, Маша подала руку. Сева смерил ее взглядом, но все же ухватился за протянутую ладонь. Поднялся, издав характерный, довольно неприятный звук. Мура смущенно отвернулась.

– Это воздух, выходящий из гильзы! – рявкнул Богатырев, брезгливо отбрасывая руку Муры.

– Окей. А орешь чего?

Богатырев отвернулся, ничего не сказав, и, неуверенно ступая, пошел по дороге. Смотрелось это довольно смешно. Нет, бесспорно, никакого веселья в сложившейся ситуации не было, но... но ведь – либо смешно, либо нет! А Сева сейчас выглядел, как вылитый волк из «Ну, погоди». Штаны-клеш, и походка – так точно.

– Ты сейчас похож на волка из «Ну, погоди». Штанцы – отпад, – рассмеялась Мура.

Сева удивленно обернулся. С тех пор, как он лишился конечностей в той чертовой аварии, над ним никто не смеялся. Его, дьявол всё забери, щадили! Боялись задеть неосторожно сказанным словом. С ним носились, как дурни с писаной торбой, убивая остатки его чувства собственного достоинства. Твою мать! Даже ср*ные рэп-баттлы становились до ср*ки политкорректными, когда он выходил на биф. С х*я ли они все решили, что могут его жалеть?! Ср*ные то-

лерантные ублюдки, очкующие замутичь годный дисс, лишь бы только бедненький Севушка не расстроился! Уроды, тупые дровитаторы. Он уже настолько привык к такому положению вещей, что смех Муры стал для него глотком чистого наслаждения. Будто бы в прошлое вернулся, когда с телочками мутил да зубы, не парясь, скалил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.